

9. Kościół, katolicy i narodowościowy socjalizm. Praca zbiorowa pod redakcją Klauza Gotto i Konrada Reppena. — Warszawa, Ośrodek Dokumentacji i Studiów Społecznych, 1983.

10. Mysiek Wiesław. Neutralność „Namiestnika” a prawa Polaków // *Argumenty*. — № 20. — 1970. — 20 maja. — S. 11-12.

11. Papież Pius XII a Polska w świetle niektórych dokumentów (przemówienia i listy papieskie. 1939-1946. — 88 s.

12. Szilling Jan. Hitlerowska polityka wobec wyznań religijnych w Polsce // *Kierunki*. — № 42. — 1975. — 19 października.

13. Zaborowski Jan. O niektórych problemach historii Kościoła w Polsce pod okupacją niemiecką, 1939-1945 // *Dzieje Najnowsze*. Kwartalnik Poświęcony Historii XX wieku. R. 11. — № 2. — S. 95-116.

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1958-1962 И ПОЛИТИКА США. ПРОБЛЕМА СООРУЖЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ.

Ю.В.Курнышова

г. Киев (Украина), КНУ им. Тараса Шевченко

Строительство Берлинской стены в августе 1961 года полностью ликвидировало остатки послевоенного статуса Берлина и усилило противостояние между Западом и Востоком. Состоялись беспрецедентное в истории расчленение трехмиллионного города и полная изоляция одной его части от другой. Сооружение стены стало высочайшим проявлением Берлинского кризиса 1958-1962 годов и в то же время его поворотным пунктом.

Возникновение советско-американского конфликта из-за Берлина большинство исследователей относят ко времени формирования нового послевоенного порядка в Европе, и в частности, подписания договоров 1944-1945 годов между странами-победительницами — США, Великобританией, Францией и СССР об оккупации Германии и ее столицы. Берлин был разделен на четыре союзнических сектора, несмотря на тот факт, что сам город остался глубоко внутри советской оккупационной зоны. Западное присутствие на территории Восточной Германии не было приемлемым ни для Москвы, ни для ее немецкого сателлита ГДР, поэтому в 1948 году Советский Союз установил блокаду Западного Берлина под предлогом ремонта путей сообщения. После того как на протяжении года действовал организованный Западом воздушный мост, доступ в город был восстановлен, но его юридические основы остались неопределенными. В ноябре 1958 года Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев снова поднял проблему Западного Берлина, выдвинув ряд ультимативных требований, как -то: о преобразовании его в “свободный демилитаризованный город”, о выводе оттуда союзнических гарнизонов и подписании мирного договора между двумя немецкими государствами (ФРГ, ГДР) и Западом.

Так было положено начало одному из острейших кризисов времен холодной войны — Берлинскому. Следует отметить, что несмотря на продолжительность кризиса и его важность для понимания особенностей международных отношений той сложной эпохи, в научном кругу эта тема до сих пор среди малоизученных. Причиной тому — отсутствие доступных исследователям документов из архивов как Востока, так и Запада. К началу 90-х годов в научном обороте была лишь незначительная часть документов [1]. Однако, недавно (в соответствии с тридцатилетним правилом сохранения) архивы США стали открытыми относительно этого периода, и огромное количество новых рассекреченных документов были опубликованы в серии, издаваемой госдепартаментом США Foreign Relations of the United States (FRUS). Четыре тома документов, касающихся Берлинского кризиса 1958-1962, позволяют провести всестороннее исследование политики США в этот период и раскрывают всю сложность переговорного процесса между двумя мировыми лидерами того времени.

Как известно, на протяжении двух с половиной лет после выдвижения своего ультиматума 1958 года Н.Хрущев не торопился с применением угроз на практике, надеясь на решение берлинского вопроса путем переговоров. Тогда обстоятельства еще позволяли рассматривать берлинскую проблему в двух ракурсах: как причину международной конфронтации между СССР и США и как источник беспокойства в самом социалистическом лагере. Однако, летом 1961 года перед советским лидером встала необходимость принятия конкретных шагов, продиктованная: 1) рекордным количеством беженцев из Восточной Германии в Западную (больше 3 млн. беженцев в период с 1949г. по 1961г.); 2) реальной угрозой получения ФРГ ядерного оружия, по поводу чего велись переговоры между лидерами ФРГ и США; 3) страхом потерять ГДР, который всячески подпитывал первый секретарь ЦКП Вальтер Ульбрихт; 4) недовольством членов соцлагеря и особенно Китайской Народной Республики хрущевской политикой «мирного сосуществования». Во время заседания Политического Консультативного Комитета стран Варшавского договора 3-5 августа 1961 года Н.Хрущев дал согласие на закрытие восточно-берлинской границы [2].

Стараясь действовать осторожно, Н.Хрущев отклонил предложение В. Ульбрихта огородить Западный Берлин бетоном сразу и приказал изолировать его колючей проволокой. Стена должна была появиться в том случае, если со стороны Запада не будет никаких силовых контрмер. Было решено, что подготовка к операции будет осуществляться в условиях полной секретности. До полуночи 12 августа только двадцать высших членов правительства ГДР знали о том, что происходит на самом деле. Всех других проинформировали, что идут приготовления к военным учениям. В ночь на 13 августа грузовики появились по всему периметру границы Западного Берлина. Восточногерманская охрана с оружием стояла на всех пропускных пунктах. За считанные часы были поставлены бетонные столбы со спиралью из колючей проволоки. По приказу Н.Хрущева советские мотострелковые и бронетанковые соединения были приведены в боевую готовность на случай сопротивления жителей Берлина.

Запад получил заверения в том, что «эти мероприятия не повлияют на существующий порядок передвижения и контроль за путями сообщения между Западным Берлином и Западной Германией.» [3] «Необходимость в новом порядке на границе, — говорилось в декларации стран Варшавского договора, — отпадает с подписанием мирного договора с Германией.» [4]

Следует отметить, что после венского саммита СССР и США в июне 1961 года, который только усложнил и без того напряженную международную атмосферу, США все время беспокоила проблема своего присутствия в Западном Берлине и отражения возможной военной атаки. Они пристально следили за тем, что происходит в Восточной Германии и, конечно, не могли не учитывать такой важный фактор как поток беженцев, который непременно должен был подтолкнуть СССР к мерам, ограничивающим передвижение через границу. 12 июля американский посол в Бонне У.Даулинг прислал телеграмму, в которой предостерегал, что «поток беженцев может стать настоящим потоком, если только не будут приняты дополнительные, более жесткие ограничивающие меры.» [5] В ответе госдепартамента 22 июля отмечалось: «если ГДР усилит контроль между советской зоной и Западным Берлином, США едва ли смогут чем-либо помочь.» [6] Летом 1961 года американцы сами размышляли над тем, как сократить поток беженцев. Они были готовы пожертвовать передвижением между частями города, и доказательством тому были переговоры с президентом Кеннеди во время совещания межведомственной координационной группы по Берлину 26 июля. Специальный советник президента Д.Ачесон высказал точку зрения, что Запад не должен отбрасывать возможность установления «ограниченного движения населения, кроме случаев крайней необходимости (выделено автором) в политическом убежище.» [7] Это было невероятное предложение, поскольку количество эмигрантов все время возрастало.

Итак, еще до начала строительства стены возможность развития такого сценария на Западе рассматривалась, но никто не считал это мотивом для военных приго-

товлений. Позднее первый помощник президента Джона Кеннеди Тед Соренсен вспоминал: "Мы разрабатывали планы на случай осложнений союзнического доступа в Западный Берлин, но не против прекращения эмиграции с Востока." [8]

25 июля президент Д. Кеннеди обратился к нации с речью относительно Берлина. После обзора хода переговоров с Н. Хрущевым в Вене и осуждения ультиматума он подчеркнул, что СССР не удастся выжить США из Берлина, "ни постепенно, ни силой" [9]. В то же время, слова его были обращены только к Западному Берлину, тем самым подчеркивалось, что то, что делает Советский Союз на своей половине города, к США отношения не имеет. О свободе передвижения между секторами города также ничего сказано не было.

Н. Хрущев, вопреки своей риторике о преимуществе советской системы, не был склонен недооценивать противника. Он сделал еще одну попытку прозондировать, какой будет позиция США. В разговоре с премьер-министром Италии А. Фанфани, детальный отчет о котором, он знал, обязательно ляжет на стол американскому президенту, Н. Хрущев несколько раз обращался к заявлениям сенаторов Менсфила и Фулбрайта о праве СССР закрыть восточноберлинскую границу. Сенаторы, полагал советский премьер-министр, отображали точку зрения самого президента, но тот, конечно, не мог себе позволить высказаться в подобном духе публично. Если бы предложение Хрущева оказалось неверным, Кеннеди прислал бы опровержение через публичные или частные каналы. 10 августа на пресс-конференции Д. Кеннеди был поставлен вопрос, как он относится к комментариям Фулбрайта относительно закрытия границы. Кеннеди не опроверг слова сенатора. Он не воспользовался возможностью предупредить Хрущева против закрытия границы. [10]

Показательно, что американский президент не спешил выступать с публичной речью относительно Берлина. Казалось, политику, который часто обращается в своих выступлениях к сравнению капиталистической и коммунистической систем, выдавалась замечательная возможность использовать берлинскую стену как символ деградации советской системы и на ее фоне преподнести моральное преимущество США. Но между 13 августом и днем своей смерти — кроме визита в Западный Берлин в июне 1963 года — Д. Кеннеди вспоминал стену только в трех речах, и то не более одного предложения. Причины замалчивания такого важного символа холодной войны можно найти в личном отношении президента. Он был убежден, что сохранение свободного движения между Западным и Восточным Берлином не стоило войны [11], и если стена должна была стать ценою разрядки международной конфронтации, он готов был ее уплатить.

Оперативный центр госдепартамента США получил информацию о сооружении кордона через шесть часов. Президент Д. Кеннеди — через восемнадцать. Госсекретарь Д. Раск подал ему на рассмотрение проект заявления, в котором речь шла о том, что "нарушение существующих договоренностей будет предметом энергичных протестов через соответствующие каналы" [12]. В международной лексике это означало, что США не будут реагировать слишком остро. В оглашенном заявлении от 13 августа госсекретарь также высказал протест, но сделал четкое размежевание между событиями в Восточном Берлине и интересами США в Берлине Западном: "Эти меры нацелены против жителей Восточного Берлина и Восточной Германии, а не против западных позиций и не против доступа западных государств в город." [13]. Возможность разрушения изгороди не рассматривалась, ведь как отмечал в своих мемуарах помощник госсекретаря в вопросах международной безопасности П. Нитце, "было очевидно, что она призвана скорее затворить восточных немцев, чем не впускать нас" [14].

В первые дни после закрытия границы, ни одно должностное лицо из администрации Д. Кеннеди не советовало военного вмешательства. В меморандуме Д. Кеннеди специальный советник по вопросам безопасности М. Банди приводил аргументы против применения любых репрессалий: "рано или поздно Советы вынуждены были бы обратиться к такому шагу, так лучше, что это состоялось сейчас, задолго до крайнего срока ультиматума" [15].

15 августа была создана координационная группа по урегулированию ситуации в Берлине. Госсекретарь Д.Раск высказал мнение, что "в то время как закрытие границы кажется делом весьма серьезным, существует возможность, что оно сделает решение берлинского вопроса более легким". М.Банди поднял вопрос решения группы так: "Поскольку закрытие границы не является кризисной ситуацией, проблема сводится к пропаганде". И далее: «Вашингтон отвергает временные и несоизмеримые репрессалии» [16]

Итак, сооружение Берлинской стены не имело на правительство США шокирующего эффекта. В Вашингтоне, как уже отмечалось, были готовы к таким действиям Советского Союза. Единственное, что по воспоминаниям участников тех событий было неожиданным, так это время, которое выбрал Н.Хрущев для своего решительного поступка. Американские аналитики считали, что СССР пойдет на обострение конфликта осенью, то есть ближе к крайнему сроку ультиматума, который оканчивался в декабре. Сам Д. Кеннеди определил события 13 августа как "провал американской разведки". Но, на наш взгляд, невозможно предположить, что в городе, где сосредотачивалось наибольшее количество разведывательных служб, информаторов и двойных агентов [17], можно было скрыть подготовку к такому масштабному строительству.

Но даже если 13 августа было неожиданным, почему Запад не использовал тот большой спектр невоенных контрмер, которые разрабатывались до последней детали на протяжении месяцев и которые могли бы быть использованы как репрессалии: приостановление выдачи временных документов на въезд в Западный Берлин, свертывание межзондальной торговли, наложение экономического эмбарго? Даже если бы это не ликвидировало изгородь, Запад дал бы понять, какую политическую цену придется уплатить за закрытую границу. Ведь Н.Хрущев боялся экономической блокады против ГДР. Восточная Германия зависела от импорта из Западной такой стратегически важного сырья, как железо, прокат, трубы, химикаты и т.д. Как высказывался Н.Хрущев "было бы бессмысленно убивать гусыню, которая несет золотые яйца" [18].

Отсутствие же контрмер свидетельствовало о принятии новых условий и стимулировало СССР идти еще дальше. Теперь администрации Д.Кеннеди было бы значительно сложнее убедить Советский Союз в том, что его условия неприемлемы. С другой стороны, потери Запада и, прежде всего, США не касались трех основных "реалий": присутствия в Западном Берлине, доступа в Западный Берлин и свободы его жителей самим избирать государственную систему. Обер-бургомистр Западного Берлина В.Бранат 16 августа направил президенту Кеннеди письмо, в котором требовал, чтобы Запад принял военные контрмеры. В.Бранат чудесно понимал, что стена может стать выходом для обеих противостоящих сторон из ситуации, которая угрожала ядерной войной. «Трагедия Берлина в том, — предупреждал он, — что Запад не сэкономит на этом в конечном счете» [19]

В Вашингтоне мнения разделились, но группе, в которую входили советник по вопросам безопасности М.Банди, министр обороны Р.Макнамара удалось убедить президента в том, что перспектива любого рода войны с Советским Союзом угрожает применением ядерного оружия и массовым уничтожением, а это не может оправдать никакие политические цели. Задача состояла в том, чтобы найти пути для предотвращения войны. Фактически, стратегия Д. Эйзенхауэра осталась действенной и в эру Д.Кеннеди. Но если в 1958-1960 годах, во время первой половины Берлинского кризиса Н.Хрущев искал переговоров с США, и, таким образом, оставлял хотя и небольшую, но возможность для консенсуса, в 1961 году упрямство советского лидера не оставляло простора для диалога. 28 августа М. Банди сделал такой вывод: "Сейчас все больше тех, кто считает, что мы можем и должны сделать существенный сдвиг в сторону признания ГДР, границы по Одеру-Нейссе и даже принять идею двух мирных договоров." [20] Это означало отход от Парижского протокола 1954 года, согласно которому за ФРГ закреплялся статус единственной представительницы всей Германии и непризнание ГДР как государства.

Таким образом, события августа 1961 года продемонстрировали готовность американской администрации смириться с существованием двух Германий. И эта готовность обнаруживалась не только в отказе США воспрепятствовать сооружению стены, но и в стремлении дистанцироваться от позиций официального Бонна. Так, на практике в США подошли к тому, что в 1959 году бывший госсекретарь Д. Даллес назвал "теорией агентов". Если раскол Германии приобрел характер окончательного воплощения, США расценили действия ГДР 13 августа как стремление утвердить себя в роли политического субъекта. В контексте "безусловной политики поддержки" Бонна и толерантного отношения к ГДР, Восточный Берлин стал гамбитом в партии между США и СССР.

- [1] U.S. Department of State. Documents on Germany, 1944-1985. Revised edition. Washington, 1986
- Documents on Berlin 1943-1963. Sel. And ed. By Heideimeyer W., Hindrichs G.-Munchen: Oldenbourg, 1963; Selected Documents on Germany and the Question of Berlin. 1944-1961.-London. Her Majesty's Stationery Office. 1961.
- [2] Khrushchev's secret speech on the Berlin crisis, August 1961// www.cvihp.si.edu
- [3] Documents on Germany.1944-1985.-Revised edition. Washington, 1986-P.774
- [4] Ibid.P.-774
- [5] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1961-1962. Vol. XIV.-Washington, 1993.-P. 191-192
- [6] Catudal H. Kennedy and the Berlin Wall crisis.-Berlin,1980.-P.187
- [7] FRUS, 1961-1962, vol. XIV.-P. 228
- [8] Sorensen T. Kennedy.- New York, 1965.-P.669
- [9] FRUS, 1961-1962, vol. XIV.-P. 227
- [10] M. Beschloss.-The crisis years: Kennedy and Khrushchev, 1960-1963.-N.Y., 1991.-P.269
- [11] FRUS, 1961-1962, vol.XIV-P.352
- [12] Ibid.-P.776
- [13] Ibid-P.725
- [14] Nitze P. From Hiroshima to Glasnost. At the center of decision.-New York, 1989.-P.198
- [15] Ibid.-P. 331
- [16] McDermott G. Berlin : success of a mission? -New York,1963.-P.33
- [17] См.: Д. Бейли, С. Кондрашев, Д. Мерфи. Поле битвы Берлин. ЦРУ против КГБ в «холодной войне».-М.,2000
- [18] Harrison H. Ulbricht and the concrete "Rose": New archival evidence on the dynamics of Soviet-East German relations and the Berlin crisis, 1958-1961// Cold War International History Project. Working paper #5.-May, 1993
- [19] FRUS, 1961-1962, vol. XIV.-P 345
- [20] Ibid, footnote.-P.379

ПОЛИТИКА США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ И СССР ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В 1953 Г.

В.П.СКОК

г. Минск, БГПУ имени Максима Танка

В начале 50-х годов разрядка международной напряженности имела мало шансов на успех. В конце 1952 г. США окончательно утвердили свое положение в качестве лидера западного мира. Великобритания перешла в категорию младших партнеров, утратив самостоятельность своей политики в отношении СССР. С конца 1950- начала 1951 гг. советское руководство стало воспринимать Атлантический блок в значительно большей степени как военную угрозу национальной безопасности СССР и его союзников.

К началу 1953 г. Запад и Восток подошли с «замороженными» позициями по германскому вопросу и с нагнетанием конфронтации двух государств на территории